Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 43 Львовъ, 19 Жовтня 1856. РОКЪ XI.

Русскій цвѣтъ

На широкомъ оболоню,
Гдѣ различный цвѣтетъ цвѣтъ,
Одинъ токмо въ усторону,
Чемусь марный съ давныхъ лѣтъ.

Утромъ Зоря заяснѣла,
Сіяютъ свѣтломъ небеса,
Птица радостно воспѣла,
Сплыла съ цвѣточковъ роса.

Да и вдругъ рядомъ зацвили,
Вѣтрикъ воню съ нихъ сбиралъ,
И туда гдѣ хижи были,
Легкимъ крыломъ спѣшно мчалъ.

Вышла дѣва красавица,
Рвати цвѣты на вѣнецъ,
Еще красша якъ денница
Будьто дивъ. . ея отецъ.

Идетъ идетъ и думаетъ,
Да идучи цвѣты рветъ,
Котрый сорветъ покидаетъ.
Оболоней дальше идетъ.

„Гдѣ идешъ ты дѣвча мое,"
Кто то речетъ; „гдѣ такъ мчишъ?
„Зачѣмъ тоскнетъ сердце твое?
„Что же красшагo узришъ?

Стала дѣва, зритъ до кола;
Кто тѣ слова ей послалъ?
И не видитъ кромъ сокола,
Что тамъ воздухами гналъ.

„Стань соколе! слети къ менѣ,
Ты что вездѣ и все зришъ;
Дай мнѣ твои крыла нынѣ
Да на хвильку дай мнѣ лишъ!

Да воздухомъ вознесуся
По надъ цвѣтовъ тѣхъ престранъ,
И да моимъ придивюся,
Чтобъ принести изъ нихъ данъ;

Для родины и для нени
За ихъ щирость и любовъ,
Чтобы были украшенны
Якъ давнѣйше въ цвѣты сновъ."

„Якой цвѣтки ты желаешъ,"
Сновь ктось речетъ; куда „мчишъ? —
Иль не красны что имѣешъ
Якихъ еще ты бажишъ?"

„Красны цвѣты я срываю,
И премного есть ихъ тутъ,
Но сама не понимаю,
За якими думы мчутъ-

„Ты не знаешъ красавица?"
Свыше голосъ ей молвитъ;
Пойди со мной! здѣ крыница
Съ ней рѣзва вода журчитъ.

Да изволь туда позрѣти
Зришъ ли цвѣтъ марненкій тамъ?
Незначащій на всѣ цвѣты
И по ростѣ, по листкамъ.

Черпай воду съ той крыницы,
Подливай всегда цвѣтокъ,
А пріидетъ . . . одной весницы,
Уплетешъ себѣ вѣнокъ.
Подаришъ вѣнкомъ родину,
Сподобитъ тя твой успѣхъ,

И снидетъ на тя дѣвчину
Благодарна радость всѣхъ.

Мало время будешь ждати,
Я опять къ тебѣ прійду;
Не забудь лишь подливати,
Брати здѣ сесю воду."

И утихъ тотъ голосъ свыше,
Дѣва стоитъ онѣмѣла;
Прышла къ тому цвѣту блисше —
Нужъ по воду! нужъ до дѣла!

Годъ за годомъ такъ минаетъ
Ужъ ся дѣва утоммила,
Хоть щиренько подливаетъ.
Цвѣтка мало что зацвила.

Когда станетъ розцвитати,
Того голосъ не сказалъ.
Токмо цвѣтку подливати,
Такій приказъ дѣвѣ далъ.

Гдѣ та чистая крыница,
Котра цвѣты урошаетъ,
Кто та дѣва красавица.
Да кто хочетъ отгадаетъ. *

А. К.

Очеркъ исторіи царскаго дворца и его частей до Петра Великаго

(продолженіе)

Княгинина половина, хоромы государевыхъ дѣтей и родственниковъ ставились отдѣльно отъ жилыхъ хоромъ государя, и съ небольшими измѣненіями, во всемъ походили на послѣдния.

Ко второму отдѣленію государева дворца мы относимъ хоромы непокоюя назначенныя собственно до торжественныхъ собраній. Въ нихъ государь слѣдуя тогдашним обычаамъ, являлся только въ важныхъ торжественныхъ случаяхъ среди бояръ и духовныхъ властей. Въ нихъ происходили духовны и земскіи соборы, давались празничны и свадебны государевы столы, однымъ словомъ они были парадныя залы въ деревянныхъ хоромахъ, которымъ соотвѣтствовали разныя палаты выстроеннаго въ послѣдствіи каменнаго дворца. Сообразно такому назначенію, хоромы того отдѣленія были обширнѣе прочихъ, и стояли впереди хоромъ постельныхъ, которыя помѣщались обыкновенно въ глубинѣ двора. Что же касается до названій, то тѣ хоромы неносили особенныхъ именъ за исключеніемъ развѣ гридни а были извѣстны подъ общими именами столовой избы горницы и повалуши.

Къ третьему отдѣленію принадлежали всѣ хозяйственныя постройки, службы, располагаемыя, почти всегда особыми, дворами или дворцами, которымъ и давали названія, смотря по ихъ значенію, въ дворовомъ обходѣ государя. Извѣстны дворцы Конюшенный, Житный, Кормовый или поваренный, Хлѣбенный, Сытный и пр. Чтоже касается до великокняжеской казны, заключавшейся обыкновенно въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, драгоцѣнныхъ мѣхахъ, матеріахъ и тому подобныхъ предметахъ, то великій князь слѣдуя весьма древнему обычаю, сохранялъ тую казну большею частію въ спояхъ и подвалахъ или подклѣтахъ каменныхъ церквей. Такъ изъ лѣтописей узнаемъ, что казна великаго князя Іоанна III, хранилась прежде въ церквѣ св. Лазаря, а его супруги великой княгины Софьи Ѳоминичны подъ церковью Іоанна Пред-

*) Ободряемъ достоп. сочинителя искушатися частѣйше въ стихотвореніи; искренная воля да любовъ искуства, упряжняетъ силы, розвиваетъ на внѣ, подвергая владѣнію своему вещъ, въ которой гадцѣ явитися подобаетъ.

течи на бору, оу Боровицкихъ воротъ. (18)

Мы оуже сказали, что общепринятаго, однообразнаго плана въ древнихъ большихъ постройкахъ небыло; почему и дворецъ великокняжескій носилъ тотъ же самый характеръ представляя огромную массу зданій разкиданныхъ безъ всякой симметріи въ планѣ. Единственный и любопытнѣйшій памятникъ, который даетъ самое полное, понятіе о древнихъ деревянныхъ хоромахъ, знакома съ ними наглядно суть то фасады и планы Коломенскаго дворца, сохранившагося отъ временъ царя Алексѣя Михаиловича, изданные въ Москвѣ въ 1809 г. при книгѣ: „Историческія свѣдѣнія изъ лѣтописей отечественныхъ и преданій извѣстныхъ извлеченныя, о селѣ Коломенскомъ." Тотъ дворецъ служитъ превосходнымъ образцомъ древней русской архитектуры: въ немъ выразилось все искуство нашихъ старинныхъ самоучекъ архитекторовъ то есть плотничьихъ старостъ, какъ ихъ называли въ то время. Общій видъ того дворца весьма оригиналенъ и красивъ; крытыя гонтомъ въ чешую шатровыя кровли или шатры огромныя бочки, т. е. кровли сведенныя въ видѣ бочекъ съ мѣднымъ золоченнымъ гребнемъ наверху, свѣтлыя теремы съ широкими двойными окнами, все тое снабженное красивою оузорочною рѣзьбою, производитъ особенное впечатлѣніе и вполнѣ знакомитъ съ характеромъ нашихъ старинныхъ построекъ. Таковъ, вѣроятно, былъ и древнѣйшій Кремленскій дворецъ. Сомнѣватися въ томъ мы неимѣемъ ніякаго повода, особенно если взглянемъ на нашу жизнь до Петра Великаго, гдѣ во все нельзя допустити большихъ измѣненій, особенно въ отношеніи зданій, строившихъ ся всегда такъ, какъ строили отцы и дѣды, безъ нововведеній. Даже архитектура каменнаго дворца принесенная къ намъ Итальянцами, непроизвела и немогла произвести ніякаго вліянія на наши деревянныя постройки: напротивъ она многое заимствовала оу нихъ, какъ въ отношеніи орнаментовъ и разныхъ оукрашеній, такъ и къ отношеніи самыхъ названій нѣкоторыхъ покоевъ, на примѣръ нижніи етажи каменныхъ зданій по прежнему именовались подклѣтами, хотя были всегда со сводами и нисколько не походили на подклѣты деревянныхъ хоромъ. Всѣ деревянныя постройки въ царскомъ быту все также возводились по старшинѣ и держались до преобразованій Петра Великаго.

Въ концѣ XV. вѣка на мѣстѣ великокняжескаго деревяннаго дворца, воздвигнутъ былъ дворецъ каменный. Мысль построити каменный дворецъ возникла въ слѣдствіе новыхъ потребностей, вызванныхъ новымъ политическимъ положеніемъ московскаго государя. Въ концѣ XV. вѣка великій князь московскій сдѣлался самодержцемъ всея Руси, къ Москвѣ стали постепенно присоединятися разныя области древней Руси жившія дотолѣ независимо, самобытно. Мысль о самодержавіи московскаго государя съ каждымъ днемъ пріобрѣтала болѣе силы, болѣе сознательности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и совершенно другое значеніе получалъ и государевъ дворецъ въ Москвѣ. Прежнія формы прежніи обряды быта великокняжескаго становились оуже недостаточными въ жизни государя самодержца. Сверхъ того, тое новое, государственное направленіе, только что возникше въ Москвѣ естественнымъ ходомъ ея исто-

18) Лѣтописецъ 6714—7924 М 1784 Русскій Временникъ М 1790 ч2 169.

ріи, было приведено въ полную созна- тельность и определенность съ пріездомъ въ Москву греческой царевны Софіи Палеологъ, съ которою великій князь Иванъ Васильевичъ вступилъ въ супружество. Последствія того брака, имевшія важное значеніе въ государственномъ отношеніи, не менее важны были и въ частномъ быту московскаго государя: его дворъ и дворецъ съ того времени стали постепенно преобразовывати ся, заимствуя многое отъ угасаюшей Византіи. При томъ тотъ бракъ завязалъ самыя тесныя сношенія Москвы съ европейскими государствами; начались частыи пріезды иноземныхъ пословъ, пріемъ которыхъ при новыхъ политическихъ отношеніяхъ московскаго государя, требовалъ большей церемоніальности, большаго великолепія; потому новый дворецъ более обширный и более соответственный новымъ потребностямъ, былъ необходимъ. Вообще исходъ XV века составляетъ блестящую епоху не только въ исторіи государева дворца, но и въ исторіи всего Кремля, который по понятіямъ некоторыхъ путешественниковъ XV и XVI вековъ составлялъ собственно дворцовую крепость. Никогда ни прежде ни после, не было въ Кремле такой напряженной деятельности въ поновленіяхъ и постройкахъ. Соборы и церкви, палаты государевы, городскія ворота, стены, стрельницы - башни съ тайниками — все тое быстро воздвигалось при помощи италіянскихъ зодчихъ нарочно для того вызванныхъ, и не более якъ въ 20 летъ наружность Кремля совершенно изменилась. На месте прежнихъ деревянныхъ зданій были уже новыя, каменныя, более обширныя, красивыя и более прочныя. Зубчатыя стены съ стрельницами, окруженныя глубокими рвами, придавали Кремлю грозный, величественный и красивый видъ, который еще съ большею яркостію обрисовывался на темномъ грунте деревянныхъ построекъ тогдашней Москвы и на зелени ея многочисленныхъ садовъ, или правильнее, огородовъ, находившихся почти при каждомъ доме. (п.с.)

УТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(конецъ.)

XIII.

Бедная вдова вернулася по истине съ своимъ доброжелательнымъ стрыемъ въ родинну хату, но принесла съ собою зародъ опасной болезни, и попавши въ смертоносну горячку, простерлась на ложе немощи.

Целый месяцъ лежала Анна безъ памяти, болтаючи незразумелыи слова. и не могла къ себе пріити ни попеченіемъ, печального Бориса, ни услужливостію самыхъ прокорнейшихъ лекарей. Честна нова девичка не стыдалась по целыхъ днахъ при ей ложе седети и спасительну отраду болезненной нести, . . но чрезъ долгій часъ на дармо! . . даже ей прежна неотлучна подружка, иногда веселая Марина, погрузилась въ глубоку печаль, и не отходила ни на крокъ отъ опасно болезнующей.

Но второго месяца зачала уже немощная Анна въ присутсткіи говорити и радо двигнулся Борисъ, коли отъ лекаря услышалъ, что есть надежда къ исцеленію болезненной, если только будетъ и дальше въ прилежнейшемъ попеченіи. Итакъ перемогла сильна природа Анны при ревной помочи опасну болезнь, и при-

вела ею изъ сѣни смертной въ край живыхъ. . . Но минꙋло еще долгое время, зачѣмъ хорая цѣлкомъ оздоровѣла, минꙋло лѣто — прошла осень, зима, и лишь только въ слѣдꙋющей веснѣ чꙋвствовалась Анна въ всѣхъ своихъ силахъ. Ꙋже прохождалась, по зеленыхъ лꙋгахъ и по миломъ лѣскꙋ, садила снова свои любимицы — цвѣты а свѣжа, невинна рꙋмянность лица воздвигала изъ завалой изнѣженной горожанки онꙋ прежню Анꙋсю, сжинавшꙋ снопки серпомъ, кромѣ, что такая то задꙋмчивость овладѣла цѣлымъ естествомъ Анны. . .

Пришелъ день зеленыхъ Святъ, тотъ день общей радости божїя мїра, день оной памятки, что божественный лꙋчъ прогналъ вѣковѣчꙋ темнотꙋ, зачѣмъ сынъ вѣчной ночи предъ тѣмъ златозарнымъ сїянїемъ и предъ святымъ крестомъ трепещетъ и тревожится!

Вотъ и природа была одѣлась въ святочнꙋ ризꙋ свѣтлого блистанїя, и представала въ своемъ оживительномъ внѣшномъ видѣ оувеличенїе дня божїей благодати. . . Минꙋло оуже свѣжее благоꙋханїе оутра, и радо розжарился день въ своей весенней лѣпотѣ. Солнце стало оуже въ зенитꙋ горизонта, коли Анна по слꙋжбѣ божїей съ Борисомъ домой идꙋчи, оного грꙋбого лакея Петра встрѣтила, а съ нимъ якꙋю то молодꙋ женщинꙋ, одѣтꙋ въ видѣ городской слꙋжанки! Не мало оудивилась вдова, оузрѣвши лакея Ванды, такъ идиллическимъ образомъ пꙋтешествꙋющаго. . .

— „А! Богъ съ вами, моя панночко! вотъ видите, якїй то я резвый въ моей старости! Чтобы васъ оузрѣти не щадѣлъ я моихъ короткихъ ногъ, ниже гнꙋшался великой дороги, но торопился я мовь якїй хлопчакъ дабы ино васъ люба панночко! оузрѣти!" болталъ говорливый Петръ. . .

„О! я оуже не панночка, но вдовица!" сказала сꙋмно оусмѣхающаяся Анна. „И чтожъ привело вас къ нашимъ сторонамъ? . . . Здравствꙋйте! извольте въ нашꙋ хатꙋ якъ давный гость встꙋпити!"

„Прошꙋ, прошꙋ, дꙋже! не поминайте нашꙋ хатꙋ. Ай! при всѣхъ картечахъ и ракетахъ! та то оуже оуплыло пять лѣтъ отъ времени. якъ мы послѣднїй разъ видѣлись, и кꙋмъ Петръ, якъ былъ грꙋбый якъ бочка и рꙋмяный якъ пивоня, такъ и пребываетъ! Но ктожь есть тая молодая красавица?"

— „Ба! истинно что красавица! се есть моя люба дона Поляна, моя слава; а не дармо прозывала ею оная дѣдичка ей госпожа именемъ: „любезна дочь! во еще больше обѣщала была мою Полянꙋ за якого шляхтича видати . . . но злобна смерть той госпожи оуничтожила ей намѣренїе!"

Ей! вы мой Отче! всегда оувеличаваете вашꙋ бесѣдꙋ! Пꙋстѣтъ тое въ непамять! озвалась благорозꙋмно пламенѣющая Поляна.

„И гдѣжъ вы идете теперь? въ которꙋ сторонꙋ свѣта?" вопросилъ Борисъ.

— „Мы есмы оуже на цѣли нашего пꙋтешествїя!

По долгихъ раздꙋмянїяхъ рѣшилъ я мою любꙋ Полянꙋ моей панночцѣ за слꙋжанкꙋ оддати. Вотъ! гадалъ я, она такъ нѣжна, такъ добра! — оу ней найдетъ дочь моя легкїй кꙋсокъ хлѣба, и заствпитъ вѣрнꙋ подрꙋжкꙋ по смерти щедрой матери. И восхощете ли мою малꙋ голꙋбкꙋ къ себѣ приняти — люба панночко?". .

„Охотнѣйшимъ сердцемъ! но милая Полана достойна есть лучшей судьбы, нежели оной служанки . . . она будетъ отселѣ моею неразлучною подружкою, и мовь любезнѣйша сестра будетъ со мною дѣлитись моимъ скуднымъ могуществомъ!" и тое сказавши оуцѣловала благородна Анна гожу дѣвчину дружескимъ поцѣлуемъ.

— „О! вы самая щедрота, моя панночко! вамъ Богъ тое вынагородитъ! но мой Господи! что мнѣ панночка всегда на мысли, таже вы вдовица! Ахъ! якже то оужасно измѣнились прежни времена! и отъ которого то часа вы повдовѣли? кто имѣлъ тую честь вашимъ мужемъ быти?" говорилъ отрывно восхищенный Петръ.

„О! оуже отъ года есмь вдовицею, и имѣла я въ пятимѣсячномъ супружескомъ станѣ якого то Оттона Росс за мужа! Ахъ! сумно мнѣ есть, тою думкою снова сердце оуязвляти. Но чтожъ? такая была воля божїя!"

— „Что! Отто Россъ, сынъ стрыечного брата моей прежней дѣдички былъ вашимъ мужемъ? Дивная смѣсь судьбы!" восклицалъ оудивленный Петръ.

„И откуду вы теперь идете?" вопросилъ Борисъ.

— „Отъ Господина Каравельского! Не было оужъ мнѣ что оу него дѣлати? Жена его оумерла а пышна панночка Ванда, озлобленна что ей яко 30 лѣтной старой паннѣ нїжкїй кавалеръ кромѣ Їоанна не надскакивалъ, такъ жестокою и скучною сдѣлалась, что и песъ не выдержалъ бы оу ней больше. Что дальше отъ осени пребывалъ въ домѣ ей отца бѣшенный Филипъ съ своею пустѣйшею женою, и тая мерзка пара такъ превратила обычай Ванды, что тажъ съ женою Филипа очевидно шалѣла, и своихъ слугъ господскими оупреками страшенно оугнѣтала.

Такъ продолжалось три мѣсяцы, пока жена Филипа познавшися съ якимъ то офицеромъ, своего мужа не оставила, и съ новымъ любимцемъ въ далекїй свѣтъ помчалась. И чтожъ дѣлаетъ въ отчаянїи Филипъ? беретъ стрѣльбу и вымѣраетъ ю себѣ въ лобъ! Вотъ такая то страшенна стерть того загорѣлца! . . .

„Филипъ застрѣлился! воскликнула дрожаща Анна.

— „Застрѣлился. Мати его есть теперь въ домѣ сумасшедшихъ, а отецъ сохнетъ надъ гробомъ, въ которомъ одною ногою стоитъ! Такъ то господь грѣшныхъ наказуетъ.". . говорилъ Петръ необыкновеннымъ любомудрїемъ. . . .

Въ продолженїи той беседы оузрѣлся Петръ съ дочерею въ свѣтлицѣ хаты Борисовой, и оучтивымъ гостепрїимствомъ были приняты тѣ пришелцы. Честный Борисъ и благородна Анна отворили не токмо Поланцѣ щирымъ сердцемъ дверь къ временному пребыванїю, но принудили такожъ и говорливого Петра, дабы тоже при дочери своей въ дружествѣ ихъ лишился, зачѣмъ дьякъ Порфирїй съ своею лихою женою на другой сторонѣ той хаты мѣстился. . . . . .

По святочномъ скромномъ обѣдѣ отправилась Анна съ Поланїю къ своей подружцѣ Маринѣ, дабы тойже свою нову подружку представити, и такъ въ дружеской забавѣ на празднику господскомъ оувеселитись. —

Якъ сказано, былъ то день прекрасный въ немже истинное зеркало весны отражалось. Въ глубинѣ картины плывали синїи Карпаты своими вершинами въ про-

зрачныхъ облакахъ; на берегахъ мирно журчащаго Днѣстра рыскала радымъ рыкомъ скотина по тучныхъ паствахъ, тамъ волновалось золотое море жита, а въ сосѣдныхъ лѣсахъ гомонила весела пѣснь щебетающихъ птицъ. Словомъ, и природа видѣлась нынѣ празд-

По сердечныхъ привѣтствованіяхъ поновати.

другъ шепнула Марана Аннѣ, дабы съ нею сама до огорода пойти изволила, гдѣ ей чтось тайного открыетъ. Съ женьскимъ любопытствомъ послѣдовала Анна веселой Маринѣ, и не примѣтила даже, что лице подруги радоснѣйше сіяло, нежели когда инымъ временемъ. Вышедши изъ хаты вказала рѣзвая Марина рукою къ глубину садка, гдѣ въ тѣнистой алтанѣ нѣсколько гостей сидѣло. Ледво что кинула Анна свой взоръ въ опредѣленное подружкою мѣсто, такъ познала сей часъ свою прежню любу подружку Елину, сидѣвшу теперь съ своимъ мужемъ — священникомъ Іоанномъ между своими родичами; но на противной сторонѣ стоялъ при столику якій-то молодый Оуланъ — а лучи солнечныи втѣснувшіися между тѣнистыми вѣтвы озаряли красныи черты гожого офицера. . . . Прежде нежели возмогла Анна вопросити Марину, кто бы тотъ Оуланъ былъ, помчалась рѣзвая дѣвчина на передъ стрѣлою, и сказавши тайно нѣсколько словъ присутствующимъ въ алтанѣ, вывела съ собою на встрѣчу Анны цѣлое собраніе. Однымъ шагомъ вскочилъ офицеръ къ несмѣло стоящей Аннѣ, и затѣмъ прочіи гости въ якой-то дали отъ ней оуставились, встрепенулся оный Оуланъ радостнѣйшимъ движеніемъ, и простерши руки къ молодой вдовицѣ вскрикнулъ въ пламенѣющемъ восторзѣ: „Анно! моя любa Анно! мое житіе! мой ты свѣте! здравствуй моя голубко! ахъ! изволь, да оуцѣлуетъ тя по долгой разлукѣ твой вѣрнѣйшій другъ Стефанъ!". . .

Кто возможетъ начертати и слабѣйшимъ видомъ оный счастливый — солодкій восторгъ, которымъ остолбенѣлая Анна возсіяла, когда нечаянно по такъ жестокихъ житейскихъ бурахъ предъ собою своего дражайшаго Стефана оузрѣла, когда по долгомъ времени безпокойствія на его лонѣ свободно отдохнула?!

И истинно былъ то оный легкомысленный Стефанко, который изъ той отчаянной болѣзни, что не получилъ тогда руки своей сердечной любимицы, домъ родичей тайно лишилъ былъ и своевольно воиномъ стался съ тѣмъ рѣшительнымъ постановленіемъ, прежде не явитися въ родинной хатѣ, пока не пріобрѣтетъ себѣ славу и якое достоинство подавающе ему сильнѣйше право на отказанну руку своей всѣлюбезнѣйшей Анны. И такъ, пріѣхавши нынѣ рано въ домъ родительскій по разлукѣ пяти лѣтной, вопросилъ первымъ словомъ по сердечномъ оуцѣлованіи родичей! „Что дѣлаетъ мое житіе — моя Анна!" — А когда довѣдался о ей злобной судьбѣ, о ей измѣнѣ къ своему дражайшему другу, затужилъ пламенѣющимъ сердцемъ за своею 15лѣтною Галусею и возжелалъ тѣмъ сильнѣйше молоду вдову видѣти, котору онъ съ цѣлымъ домомъ по полудни еще сего дня имѣлъ посѣтити, и въ долго страждущему сердцу притиснути. Но вотъ предварила красна вдовица гожого Оулана! . .

— „Ахъ! что я вижу! то ты Стефане?! о! мой Боже!" шептала Анна въ радостномъ изумленіи. . .

„И, вмѣсто чтобы твой вѣрнѣйшій другъ

свѣтилъ приходишъ ты мой ангеле яко избавительница къ печальному Стефану, и сїяючи въ захватительнѣйшей лѣпотѣ, нежели прежде, несешъ твоимъ милымъ взоромъ балсамъ въ мое раненное сердце! Ехъ! оужъ ты теперь мой генїй неразлучный! я тебе не отступлю на вѣки! ты моя на вѣки!". .

— „На вѣки!" шептала ущастливленна Анна.

И не минуло три мѣсяцы, якъ въ сельской маленькой церквѣ предъ олтаромъ молода пара вѣнчалась: гожая Анна съ своимъ милѣйшимъ Стефанкомъ, освободившимся отъ войска. Оный старенькїй священникъ соединилъ ихъ на вѣки союзомъ брака, а старый Борисъ, лѣсничїй съ домомъ цѣлымъ, Їоаннъ и честный Дѣдичъ присутствовали тому сватому чину

Счастливый Борисъ видѣлъ въ томъ новомъ супружествѣ дѣло провидѣнїя и благодарилъ милосердїе божїе за печальныи и радостны дни своего житїя, проистекающїи изъ руки творца. А коли Стефанъ отъ нового Дѣдича опредѣленъ былъ за надзирателя нѣсколькихъ его селъ, принеслъ ся и Борисъ съ молодою парою до красного дворца, лишаючи господарство оуединенной хаты своему новому другу - Петру. Якъ золото въ огню искушаетъся, такъ очистилась Анна въ прежнемъ великомъ треволненїи житїя своего отъ печальныхъ и свѣтныхъ стремленїй души, и глядѣла обновленною жизнїю въ озаренный свѣтъ божїй! . . . А благая надежда, облеченна въ свѣтлой ризѣ явилась предъ гожою парою, и простерши свои золотыи крыла, осѣнили ю домашнимъ счастїемъ, и радо оусмѣхнулася надъ колыбелью истинной добродѣтельной жизни! — —

МИЛОШЪ съ надъ Днѣстра

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Сими днями опустилъ типографскія станки Института Ставропигіянского во Львовѣ:

Мѣсяцословъ

ГОСПОДАРСКІЙ ЛЬВОВСКІЙ

НА ГОДЪ

отъ воплощенія Господа нашего

ЇИСУСА ХРИСТА

1857.

Мѣсяцословъ той содержитъ въ себѣ слѣдующія всякому русскому человѣку любознательныя или благопотребныя вещи: Общій хронологическій календарь, памятныи дни для Руссиновъ, Пасхалія зрячая, господствующій планетъ, Помраченія солнца, Мѣсяцословъ русскій и римскій съ отзнаменованіемъ недѣль и праздниковъ червоными буквами, съ означенieмъ перемѣнъ мѣсяца и атмосферы; далѣе родословіе ц. к. Австрійского Дома, Выписки изъ стемплевого патента, Таблица процентовъ, извѣстіе о приходѣ и отходѣ почтъ якъ и оплатѣ почтовой за письма. Сверхъ того находятся въ немъ любопытныя статьи служащія къ улучшенію сельской економики общеполезныя свидѣнія, домашнія лѣкарства на розличныя недуги; наконецъ стихотворенія, пословицы, загадки и логогрифы и проч. и проч.

Сочиненіе тое продается въ книжной Лавцѣ Института Ставропигійского, яко и у всѣхъ краевыхъ книгопродавцевъ по 25 кр. к. М за екземпляръ. Кто купуетъ у издавателя во Львовѣ 10 екземплярей разомъ получитъ одинъ ексем. даромъ. Желающимъ же взяти больше количество Мѣсяцословъ за готовыи гроши сдѣлается уступка еще большаго раббата.

Кто бы желалъ получити одинъ или больше екземплярей чрезъ почту, да отнесется франкованымъ письмомъ съ запечатаными въ немъ грошми за всякій екс. по 30 кр. км. (т. е. 5 кр. на почту) въ книжную Лавку Института Ставропигійского (**An Herrn A. Gergowicz im Stauropigian - Gebäude, Russische Gasse Nr. 193**) которая беретъ на себе (съ уступцою вышевыраженною на случай покупки 10, или больше екс.) порядочно доставити на свой счетъ требуемыи екземпляри на мѣсто, гдѣ кто зажелаетъ.

Типомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.